

[Л.1]

Стенограмма воспоминаний колхозника с. Б. Букрин Коломийца Дмитрия Мартыновича.

Беседу вел ученый секретарь Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР – кандидат экономических наук Гак Д.В.

Стенографировала Лищук Н.Н.

Пристань Переяслав.

20.VII.1946 года.

Я родился в 1896 году. Образование – 3 класса начальной школы. В с. Большой Букрин живу безвыездно.

Наше с. Великий Букрин размещается чуть выше пристани Переяслав и тянется вдоль Днепра на расстоянии 3-4 километров.

После нападения немцев на Советский Союз 22 июня 1941 наше село они заняли в средних числах июля (точно дату не помню). Двигались они в наше село со стороны Кагарлык и сразу же вышли к линии Днепра, где они стояли 2 месяца до того, как сумели переправиться на левый берег Днепра.

Наши войска с приходом немцев отступили на левый берег Днепра, где они занимали линию обороны до середины сентября.

После того, как немцы появились в нашем селе, части Красной армии завязали с ними бой и отбросили их от нашего села. Однако, после того, как немцы отошли, части Красной армии также переправились на левый берег Днепра.

Создалось такое положение, что дней 5 в селе не было ни немецких войск, ни наших войск. [Л.2] Помню такой случай с этого периода. После того, как была завершена контратака нашими войсками и немцы отступили из деревни, ко мне на квартиру пришел раненый красноармеец, который в разговоре сказал, что он родом из Чкаловской области. Я ему дал переодеться и посоветовал, поскольку наши войска отступили на левый берег Днепра, сдаться в плен. Но он ответил: «Таким паразитам в плен не сдамся». У него при себе было 3 гранаты. И только он успел выйти от меня, как появилась немецкая разведка, которая окружила его и заставила поднять руки вверх. Найдя у него 3 гранаты, немцы расстреляли его.

После этого зашли ко мне в дом и, подозревая тоже, что я военный, разорвали на мне пиджак и брюки для того, чтобы убедиться. Увидев, что на мне не военное обмундирование, а собственное, оставили меня в покое. Потом стали делать обыск. Нашли две буханки, 30 шт. яиц, полтора пуда меда и забрали с собой.

Затем немцы окончательно вступили в наше село.

Первым организационным мероприятием было назначение старосты. На старосту выбрали Коломийца Сергея Васильевича, перед отступлением немцев он ими был расстрелян за связь с партизанами.

В течение первого месяца крестьяне с. Великий Букрин продолжали собирать хлеб. Немцы не препятствовали этому. Когда им было что-то нужно, они предупреждали об этом старосту и через него забирали, что им необходимо было.

Впоследствии, когда немцы раззнакомились и убедились в [Л.3] своем устойчивом положении, они начали брать самостоятельно, что им нужно было, в каждом крестьянском дворе.

Через месяц после их прихода мы были немцами высланы на 20 километров в тыл, где мы и находились в течение 1 месяца. Не помню, какого это было числа. Немцы объявили населению села, чтобы на назначенный час дня село было полностью очищено от жителей. Некоторые из жителей забрали при эвакуации скот и ценные вещи, но значительная часть кроме детей и самого необходимого ничего не взяла и оставила в деревне. Остался в селе скот без присмотра. Ходил по огородам и полям, поскольку немцы в то время в ней не нуждались. После того, как немцы форсировали Днепр и линия фронта отошла от Днепра, нам было разрешено вернуться обратно в свою деревню.

Первым мероприятием немцев после нашего возвращения в село была организация осенней посевной кампании. На каждый двор было выделено по пол га земли, которая должна была обязательно засеяна собственными семенами. Когда кто-нибудь не в состоянии был обработать этот участок земли, староста деревни организовывал ему помощь.

После того, как линия фронта отошла от Днепра, немцев в деревне не осталось, и наше село получало распоряжения от Ходоровского коменданта Шлебинского.

Подобно осенней кампании была проведена у нас и весенняя посевная кампания. [Л.4] Немцы объявили о том, что кто сколько засеет, то будет считать это своим. Крестьяне поверили немцам и засевали всю посевную площадь. Даже где прежде не сеяли, теперь было засеяно. Хотя у нас земли вообще мало, однако некоторые умудрялись засеять по 3-4 и даже 5 га. Но когда пришла пора уборки, немцы приказали весь урожай свезти в одно место и объявили его общественным.

Когда дядьки слышали об этом, то очень неохотно пошли на своз урожая на общественный ток. Фактически, каждый свез только незначительную долю урожая. В частности, у меня было с 4-х га до 40 коп хлеба, но я привез на общий ток не более 10 коп, а остальные оставил для себя и молотил самостоятельно. Такому примеру последовала подавляющая масса населения.

Хотя немцы и считали себя мудрыми, однако наши мужики были хитрее. Часть из обмолоченного хлеба немцы забрали в амбар, а посевной материал раздали дядькам для посева. А вообще дядьки брали хлеба кто сколько смог.

Общественное хозяйство, хотя официально и существовало, однако общего земельного фонда не было, а также не было плана на работу. Каждый работал на захваченной им земле. Работал так, как ему казалось лучше и в ту пору, которая для него была лучше. Надзора за работой не было.

[Л.5] Начиная с осени 1942 года в нашем районе начали появляться партизаны. В партизанах находился и брат моей жены, который до войны работал председателем сельсовета, председателем колхоза и был членом ВКП(б). После того, как его немцы начали преследовать, он ушел в партизаны. Фамилия его Коломиец Алексей Иванович.

Часто партизаны заходили ко мне и, так как у меня был неплохой достаток, они у меня подкармливались.

Зима 1942-43 г.г. уже стала немного труднее. Немцы начали широко практиковать набор рабочей силы в Германию, а также мобилизовать на другие работы. Нам приходилось спасаться от этого. Я в одной из Днепровских круч выкопал себе тоннель, где в случае любой опасности прятался со своей семьей. Такие тоннели были сделаны и другими.

Весной в 1943 в нашем районе партизаны еще больше активизировались. Они выбрали местом своего расположения кирпичный завод, откуда делали свои операции. Позже немцы узнали об их местоположении и сожгли кирпичный завод. Это был зародыш партизанского соединения им. Чапаева.

Связь от партизан с жителями нашего села поддерживал Витряк Даниил Артемович. Кто был командиром партизанского отряда я не знал. В почете у нас было имя тов. Ветряка.

Весенняя кампания 1943 нами была проведена по примеру [Л.6] 1942. Каждый засеял захваченную им землю.

В течение лета деятельность партизан еще больше активизировалась. Периодически они набегали на молочные пункты, разрушали их, а однажды даже был набег на сахарный завод в Пиях, откуда они забрали главные машины и вывезли оттуда сахар. Но наше село ни партизаны, ни немцы особо не беспокоили.

С началом уборочной кампании мы успели закончить сенокос всех хлебов. Некоторые свезли хлеб на общий ток, а некоторые оставили на поле.

Но уже в августе м-це 1943 линия фронта приближалась к Днепру. Красные части форсировали Днепр и заняли правый берег Днепра в районе села Великий Букрин. Наше село несколько раз переходило из рук в руки. И после того, как немцы окончательно захватили село, был издан приказ об эвакуации нашего села на 20 километров от линии фронта.

Когда красные части вышли на Букринский плацдарм, наша авиация сбросила парашютный десант, который должен был высадиться в районе села Грушев, но ошибочно был выброшенный в наше село и как раз на линию фронта. Парашютный десант немцами был уничтожен, а село частично немцы сожгли (сгорело 12 дворов).

[Л.7] При эвакуации нашего села немцы отобрали молодых ребят для земляных работ, а все старшие поколения и дети были высланы. Эвакуация делалась так поспешно, что даже Мищенко Мотря Афанасьевна из своих 3-х

детей сумела захватить только 2, а 3-е, грудное, осталось на пепелище, где оно и погибло.

Нас было эвакуировано в с. Дударь. И когда мы подошли к этому селу, то оказалось, что это село также подлежало эвакуации. Крестьяне Великого Букиря разбрелись кто куда. Я, например, пошел к своему зятю в село Пий, где и был до февраля месяца 1944 года.

После изгнания немцев с линии Днепра мы вернулись в свою деревню.

Я не имел возможности наблюдать боев на линии Днепра, а поэтому судить об их характере не могу.

Коломиец *[подпись]*